

УДК 316.613

РАЦИОНАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ ОБОСНОВАНИЕ ЭМПИРИЧЕСКОГО КРИТЕРИЯ ИДЕНТИЧНОСТИ «Я» В ТРАНСЦЕНДЕНТАЛЬНОЙ ФИЛОСОФИИ И. КАНТА

Ю. В. Ставропольский

Саратовский государственный университет
E-mail: StJulius@yandex.ru

В публикации рассмотрены взгляды И. Канта на самосознание, логическое «я» и реальное «я», повлиявшие на современное понимание идентичности «я» в социальной психологии.

Ключевые слова: идентичность, самосознание, «я», логический, реальный, субъект.

**Rational-Psychological Justification
for an Empirical Criterion of «Self» Identity
in Transcendental Philosophy by I. Kant**

Yu. V. Stavropolsky

This publication considers I. Kant's views on self-consciousness, logical «self», and virtual «self», which have rendered their impact on contemporary comprehension of «self» identity in social psychology.

Key words: identity, self-awareness, «self», logical, virtual, subject.

Многое из того, что сказано И. Кантом о самосознании, обобщенно можно выразить так: чтобы обладать самосознанием, необходимо мыслить себя вещественным объектом среди других вещественных объектов¹. Нам в качестве мыслящих индивидов самопознание недоступно до тех пор, пока мы относимся к самим себе лишь как к мыслящим существам. Вместо этого нам следует начать относиться к самим себе как к мыслящим *человеческим* существам, т. е. существам телесным – телесность оказывается эмпирически применимым критерием идентичности². К сожалению, И. Кант разрушает столь гармоничную картину некоторыми туманными замечаниями по поводу того, что он называет «постоянным и неизменным «я» (чистой апперцепции)» (A123) либо «идентичным «я»», которому «я» приписывает все свои представления (A129/B138) и которому присуще «априорное осознание» (A116). Эти реплики невняты, поскольку из выражения «априорное сознание» ясно, что объект такого сознания («идентичное «я»») нельзя идентифицировать с объектом эмпирического самопознания, сиречь с мыслящим *человеческим* существом. С другой стороны, И. Кант отрицает утверждение рациональной психологии о том, что самосознание включает в себя априорное знание о самих себе как о нематериальных и несоставных мыслящих субстанциях. Таким образом, объект априорного самосознания нельзя также идентифицировать с подобной мыслящей субстанцией.

Когда сам И. Кант пытается объяснить, что же такое «я» в качестве объекта априорного самосознания и чем «я» не является в таком качестве, он частенько прибегает к различию между логическими и реальными чертами «я» либо между чертами «я» как реальной целостности и «я» как простой логической целостности, так называемому «логическому я»³. Он утверждает, что мы можем лишь знать, что «я» – это «перманентный логический субъект мышления», а не «реальный неотъемлемый субъект» (A350); мы можем знать, что это «логически простой субъект», но не простая субстанция (B407 – 408). Он говорит о «логической идентичности «я»», противопоставляя ее количественной идентичности реального мыслящего существа (A 363), а также о том, что существует лишь «логическая», но не «реальная» возможность для нашего существования в качестве мыслящих бестелесных существ⁴.

Паралогизм субстанциональности в первом издании «Критики чистого разума» формулируется следующим образом: «То, представление о чем есть абсолютный субъект наших суждений и потому не может быть употреблено в качестве обусловливания другой вещи, есть субстанция. Я в качестве мыслящего существа есть абсолютный субъект всех моих возможных суждений, и такое представление обо мне невозможно применить в качестве предиката к любой другой вещи. Поэтому я как существо мыслящее есть субстанция» (A 348).

Позднее И. Кант скажет, что хотя «я» как существо мыслящее есть «перманентный логический субъект мышления», «я» в силу этого не знает, что «я» есть «реальный неотъемлемый субъект» (A350). В связи с этими замечаниями возникают три вопроса. Что есть абсолютный субъект суждения? Почему «я» как существо мыслящее есть абсолютный субъект суждения? И почему «я» – лишь абсолютный *логический* субъект суждения, а не реальный неотъемлемый субъект?

На первый вопрос помогает ответить цитата из «Пролегомен» И. Канта: «Чистый разум требует от нас отыскивать для каждого предиката вещи свой субъект, а для этого субъекта, который по своей сути необходимо есть не что иное как предикат, свой субъект, и так далее до бесконечности (либо настолько, насколько для нас это

доступно). Но отсюда следует, что мы не должны считать ничто из того, к чему мы можем прийти, за окончательный субъект <...> поскольку специфическая природа нашего понимания заключается в том, чтобы мыслить обо всем дискурсивно, то есть при помощи понятий, а тем самым всего лишь предикатами, в которых поэтому всегда отсутствует абсолютный субъект»⁵. Из этого отрывка должно быть ясно, что под «субъектом суждения» И. Кант подразумевает вещь, о которой мы можем что-либо сказать в суждении.

Второй вопрос заключается в том, почему «я» как существо мыслящее есть абсолютный субъект суждения, представление о котором не может быть употреблено в качестве предиката любой другой вещи. То представление, которое есть у нас о самих себе как мыслящих существах, то есть понятие «“я” как мыслящее существо», удовлетворяет критерию понятий об абсолютных субъектах в той мере, в какой мы не способны применить его к различным возможным объектам. «Я» – это то понятие, которое можно применить лишь к одному возможному субъекту, то есть к самому себе. Такая интерпретация подкрепляется отрывком из «Лекций по метафизике» И. Канта, в котором он следующим образом формулирует рациональный *психологический* аргумент в пользу субстанциональности души: «Я есть субстанция. Я соотносится с субъектом до тех пор, пока он не есть предикат другой вещи. То, что не есть предикат другой вещи, то – субстанция. Это “я” есть общий субъект всех предикатов, всего мышления, всех поступков, всех возможных суждений, которые мы можем сделать о самих себе в качестве мыслящего существа. Я могу лишь сказать: я есмь, я мыслю, я поступаю <...> но я не могу сопоставить это “я” с чем-либо еще, я не могу сказать: другое существо есть я»⁶. Нельзя применить понятие «я» ни к какому существу, кроме себя самого, подобно тому, как понятие «роза» применяется к разным розам.

Означает ли это, что «я» – это сингулярное понятие в том смысле, как этот термин понимался в докантовой логике⁷? В соответствии с докантовой логикой понятие, которое не может употребляться в качестве детерминации другой вещи, оказывается «сингулярным понятием». Сингулярное понятие – та разновидность понятий, которую Г. В. Лейбниц называл «полным понятием об индивидуе», т. е. понятие с настолько глубоким содержанием, что существует лишь один возможный объект, к которому оно может быть применимо. Сингулярные понятия соответствуют индивидуальным монадам, а эти монады суть субстанции, поскольку они – окончательные и простые частицы, из которых все состоит. В доказательстве «тезиса» второй антиномии И. Кант называет эти монады «элементарными сущностями», которые суть «первые субъекты всех структур» (A436/B464).

По-видимому, И. Кант не уверен в том, следует ли вообще именовать понятием то, что выражается местоимением первого лица «я». Имеется несколько мест, в которых он именует «я» понятием (см., например, A401, A342/B400, A341/B399), в других местах он явно отказывается от этого (см., например, A 345 – 346/B403 – 404, A382).

Философ отмечает два фундаментальных различия. Первое – сингулярное понятие есть понятие с настолько богатым содержанием, что существует лишь один объект, к которому оно может быть приложимо. Итак, верно, что «я» можно приложить лишь к одному возможному объекту, то есть к самому себе, но не потому, что содержание «я» состоит из множества свойств, которыми обладаю только я. Напротив, «я» – это выражение того, что «совершенно пусто с точки зрения своего содержания» (A355), то есть содержание «я» нисколько не богаче содержания понятия «мыслящее существо = x» (A346/B404). Второе различие между «я» и сингулярным понятием заключается в том, что характеристика «может быть приложимо лишь к одному возможному объекту» истинна применительно к понятию «я» лишь в том случае, если дополняется ограничением – «к самому себе». Так как, несмотря на истинность того, что я могу приложить понятие «я» лишь к одному возможному объекту, то есть к самому себе, тем не менее понятие «я» приложимо к другим возможным объектам другими мыслящими существами, если они употребляют понятие «я» применительно к самим себе. И. Кант подразумевает эту характеристику понятия «я», когда формулирует вторую посылку паралогизма субстанциональности несколько иным образом, чем первую. В первой посылке утверждается, что субстанция есть некий абсолютный субъект «наших суждений», тогда как во второй утверждается лишь, что «я» как мыслящее существо «есть абсолютный субъект всех моих возможных суждений». Поэтому, говорит И. Кант, истинно лишь то, что «каждому приходится считать самого себя субстанцией» (A349), поскольку «я» есть понятие, которое *он* может приложить лишь к одному мыслящему существу, то есть к самому себе, но не к «другой вещи».

Это последнее замечание, очевидно, соотносится с утверждением И. Канта о том, что, несмотря на то что «я» в одном аспекте аналогично сингулярному понятию, которое невозможно «применить в качестве детерминации к другой вещи», тем не менее я, представляя этим понятием самого себя, знаю, что я как мыслящее существо есть «неотъемлемый реальный субъект», то есть субстанция.

Третий вопрос связан с тем, что И. Кант имеет в виду, говоря, что я как мыслящее существо есть лишь абсолютный *логический* субъект суждения, а не неотъемлемый реальный субъект. Прежде чем мы ответим на этот вопрос, обра-

тимся к тому, в чем И. Кант усматривал различие между логическими и реальными свойствами объекта, или, иначе выражаясь, между свойствами чисто логическими и свойствами реальной целостности.

В одной из своих «Лекций по метафизике» он называет то, о чем мы можем высказывать суждения, но не являющееся реальным субъектом, «логическим нечто». «Под словом “нечто”, – говорит он, – мы подразумеваем любой объект мышления; он есть логическое нечто. Понятие об объекте вообще называется высочайшим понятием всего знания. Подобный объект также называется словом “нечто”, но не метафизическое, а лишь логическое нечто»⁸. Различие между логическим и метафизическим нечто, очевидно, соответствует различию между логическим и реальным субъектом. Завершая трансцендентальный анализ в «Критике чистого разума», И. Кант делает похожее утверждение. Среди тех вещей, которые подпадают под понятие объекта вообще, он выделяет объекты, которые суть «нечто» (в узком или «метафизическом» смысле слова «нечто»), и объекты, которые суть «ничто» (A290/V346 – 347). Примером объектов последней разновидности являются, помимо прочих, так называемые «объекты чистой мысли» (A292/V348), т. е. «объекты понятий, по отношению к которым может быть дана соответствующая интуиция» (A290/V347). Наиболее общий приводимый И. Кантом пример такого «объекта чистой мысли» есть дух, т. е. мыслящее бестелесное существо⁹. Понятие о мыслящем бестелесном существе («духе») непротиворечиво и, соответственно, мы можем высказывать, например, такие суждения о духах: «Самый умный дух всегда справедлив». Но поскольку мы не можем привести примеров мыслящих бестелесных существ из нашего опыта, то мы не знаем, соотносится ли понятие «дух» с соответствующим объектом или с пустотой¹⁰.

Этот пример чисто «логического нечто» наводит на способ, при помощи которого может быть понято утверждение И. Канта о том, что я как существо мыслящее являюсь лишь логическим субъектом суждения. В своих «Лекциях по метафизике» И. Кант различает два образа понимания понятия «я». По поводу «я», понимаемого в *sensu latiori*, он говорит, что «я» соответствует «мне самому как целостному человеческому существу, обладающему душой и телом», по поводу «я», понимаемого в *sensu stricto*, «я» соответствует мне самому лишь как душе¹¹. Теперь можно утверждать, что, до тех пор пока употребляется понятие «я» в *sensu stricto* (как это делает *рациональная психология*), это понятие выражает лишь «логическое нечто». Я, употребляющий это понятие, есть не бестелесная душа, но мыслящее человеческое существо, поэтому у меня нет интуиции самого себя как бестелесного существа и, по-

добающим образом, понятие «я», понимаемое в *sensu stricto*, остается столь же пустым, как и понятие «дух».

Такая интерпретация провоцирует серьезное возражение. Согласно ей аргументация И. Кантом утверждения о том, что «я», понимаемое как мыслящее бестелесное существо, представляет собой только абсолютный *логический* субъект суждения, а не неотъемлемый *реальный* субъект, должна начинаться с посылки о том, что «я» не есть мыслящее бестелесное существо, а не утверждать это в заключение. *Приверженец рациональной психологии*, по всей вероятности, отверг бы эту посылку. Благодаря внутреннему чувству, возразил бы он, я обладаю интуицией самого себя в качестве мыслящего бестелесного существа. Стало быть, И. Канту необходимо аргументировать утверждение: несмотря на то что благодаря внутреннему чувству мы обладаем интуицией лишь о собственных психических свойствах, это интуитивное знание, тем не менее, не способно конституировать знание о нас самих как о неотъемлемых реальных субъектах, то есть как о субстанциях. По-видимому, И. Кант приводит подобную аргументацию при обсуждении третьего паралогизма. Там он заявляет, что необходимое условие знания об объекте интуиции того, что этот объект есть субстанция, состоит в способности перидентифицировать в разные моменты времени. Однако до тех пор, пока мы рассматриваем самих себя исключительно в качестве объектов своего собственного внутреннего чувства, у нас отсутствуют какие-либо критерии, посредством которых мы могли бы решить, принадлежат ли два объекта, о которых мы знаем интуитивно, благодаря нашему внутреннему чувству, одному и тому же либо количественно различным мыслящим существам. Снова И. Кант прибегает к противопоставлению «логического и косвенно реального» для того, чтобы объяснить, почему *рациональному психологу* столь легко впасть в заблуждение. Он заявляет, что если я репрезентирую самого себя при помощи понятия «я», понимаемого в *sensu stricto*, то я сознаю лишь «логическую идентичность “я”» (A363), но не количественную идентичность самого себя как реального мыслящего существа.

Понятие «я» – это понятие, которое может быть приложено только к одному возможному объекту, т. е. к самому себе. По этой причине ясно, что свойство видеть вчера цветущую розу и свойство видеть сегодня увядшую розу приписывается одному и тому же объекту, то есть самому себе. Именно на этот аспект суждений при употреблении понятия «я» в качестве субъект-понятия, по-видимому, ссылается И. Кант, когда говорит, что в этих суждениях осознается «логическая идентичность “я”». Рассматривая паралогизм личности, он заявляет, что в подобных суждениях «я» «соотносит каждую и все свои последовательные детерминации с

количественно идентичным «я»» (A362). Поэтому, пишет он, утверждение о том, что я – идентичная вещь, которой принадлежат все эти детерминации, «должно рассматриваться в качестве полностью идентичного положения самосознания, и в этом, кроме всего прочего, состоит причина, по которой оно валидно a priori» (A362). И. Кант употребляет выражение «идентичное положение» в качестве синонима термина «аналитическое положение»¹². В связи с этим он утверждает, что исключительно благодаря содержанию понятия «я» гарантируется, что, если это понятие сочетается с двумя различными предикатами, то свойства, выражаемые этими предикатами, приписываются одной и той же вещи. В этом отношении такие суждения о самом себе родственны суждениям о Боге и отличны от суждений о розах.

Почему же тогда И. Кант говорит, что благодаря содержанию понятия «я» осознается лишь «логическая идентичность “я”», а не количественная идентичность самого себя как реально существующего мыслящего существа? Для того чтобы ответить на этот вопрос, необходимо принять во внимание различие между понятием «я» и реальными сингулярными понятиями. В соответствии с докантовой логикой сингулярное понятие – это полное понятие об индивиду. Оно допускает любой предикат, который может быть истинно приписан этому индивиду. Знание этого полного понятия позволило бы нам решить, истинно или ложно данное суждение о таком индивиду. В этом отношении понятие «я» полностью отлично от сингулярного понятия, поскольку оно «совершенно пусто в отношении своего содержания» (A355). Поэтому суждения, в которых я приписываю самому себе некоторое определенное качество, никогда не бывают аналитическими суждениями (B135), следовательно, невозможно решить, истинно ли суждение при помощи анализа понятия «я». Итак, если необходимо сформулировать поддающееся верификации суждение о самом себе как мыслящем существе, то это можно сделать лишь если относиться к самому себе как к мыслящему человеческому существу, то есть если понятие «я» будет употреблено не в *sensu stricto*, но в *sensu latiori*.

Осознание «логической идентичности “я”» присутствует в том случае, когда любое свойство приписывается мной самому себе как мыслящему существу, поскольку понятием «я» всегда буду обозначаться я сам в качестве «абсолютного логического субъекта суждений», то есть нечто, понятие о чем не может быть приложено ни к какому иному существу, кроме меня самого. Если достигнуто осознание данного свойства понятия «я», то наступает, как утверждает И. Кант в трансцендентальной дедукции категорий, «априорное сознание полной идентичности нас самих в отношении всех проявлений, когда-либо принадлежавших нашему знанию» (A116).

И. Кант также говорит, что такое априорное сознание своей собственной идентичности может быть обнаружено лишь «в моем собственном сознании», но не должно приниматься в качестве «точки зрения стороннего наблюдателя» (A362), поскольку «я» есть понятие, которое может приложить к самому себе любое мыслящее существо. Следовательно, для того чтобы сослаться на меня, сторонний наблюдатель не сможет приложить ко мне понятия «я», ему для этого придется употребить какое-то обычное общее понятие, например «мыслящее существо» или «особа». По причине того что эти понятия могут быть приложимы к различным мыслящим существам, их употребление сторонним наблюдателем не связано ни с каким осознанием «логической идентичности» объектов этих понятий.

Подводя итог сказанному, отметим, что, с точки зрения И. Канта, наши верифицируемые суждения о самих себе как мыслящих существах возможны только если они – суждения о нас как мыслящих человеческих существах, то есть, в терминологии И. Канта, если в этих суждениях понятие «я» употребляется в *sensu latiori*, а не в *sensu stricto*. Однако замечания И. Канта об априорном самосознании и о «логической идентичности “я”» образуют аргументацию в поддержку утверждения о том, что наши верифицируемые суждения о самих себе – не единственные имеющие смысл суждения, которые мы можем высказывать о самих себе. Даже если употреблять понятие «я» в *sensu stricto*, различные свойства могут приписываться одной и той же вещи, то есть самому себе, несмотря на то что в этом случае у нас отсутствуют средства определения того, правильно такое приписывание или нет. В этом случае, пользуясь терминологией И. Канта, различные свойства приписываются одному и тому же «логическому нечто», то есть самому себе как логической целостности, и тем самым сознается «логическая идентичность “я”».

В соответствии с «аргументом идентичности в пользу материализма в самосознании»¹³ для того, чтобы приписать различные проявления самому себе в качестве идентичного субъекта этих проявлений, необходимо либо мыслить самого себя физическим объектом, либо интуитивно сознать самого себя таковым, поскольку иначе не удовлетворяется так называемое требование различительности, то есть невозможно различить объект самоприписывания среди других вещей¹⁴. И. Кант согласился бы с этим в той мере, в какой самосознание затрагивает реальное мыслящее существо, ибо если употреблять понятие «я» в *sensu stricto*, оно «не связано с теми интуитивными нюансами, благодаря которым я могу различить самого себя среди других объектов интуиции» (A350). Однако И. Кант сказал бы, что в таком случае я не могу различить самого себя как «логическое нечто» среди других «логических нечто».

Исследование проведено при поддержке гранта РГНФ «Психосоциальные проблемы трудовой миграции и адаптации этнических мигрантов» № 10-06-01303 а/Б.

Примечания

- ¹ См.: Strawson P. F. The Bounds of Sense : An Essay on Kant's Critique of Pure Reason. London, 1962. P. 102
- ² См.: Kant I. Kritik der reinen Vernunft // Kant I. Gesammelte Schriften : in 29 vol. Berlin, 1902. Vol. IV. S. 335. (В 415/A361 – здесь и далее в тексте ссылки на эту работу даются в соответствии с международной системой *наинации* : А – первое прижизненное издание, В – второе).
- ³ См.: Kant I. Welches sind die wirklichen Fortschritte, die Metaphysik seit Leibnizens und Wolff's Zeiten in Deutschland gemacht hat? // Ibid. Vol. XX. S. 270.

- ⁴ Ibid. S. 325–326.
- ⁵ Kant I. Prolegomena // Ibid. Vol. IV. S. 333.
- ⁶ Kant I. Vorlesungen ueber Metaphysik // Ibid. Vol. XX-VIII. S. 266.
- ⁷ См.: Rosenfeldt T. Das logische Ich. Kant über den Gehalt des Begriffes von sich selbst. Berlin, 2000. S. 15–22.
- ⁸ Kant I. Vorlesungen über Metaphysik. S. 544.
- ⁹ См.: Kant I. Welches sind die wirklichen Fortschritte, die Metaphysik seit Leibnizens und Wolff's Zeiten in Deutschland gemacht hat? S. 325 ; A96.
- ¹⁰ Kant I. Ibid. S. 326.
- ¹¹ Kant I. Vorlesungen über Metaphysik. S. 265.
- ¹² Kant I. Welches sind die wirklichen Fortschritte, die Metaphysik seit Leibnizens und Wolff's Zeiten in Deutschland gemacht hat? S. 322.
- ¹³ Cassam Q. Self and World. Oxford, 1997. P. 117.
- ¹⁴ Ibid. P. 123.

УДК 159.923

ОТНОШЕНИЕ К ЗДОРОВЬЮ РАБОЧЕЙ МОЛОДЕЖИ

С. Ю. Старовойтова

Институт экономики, управления и права (г. Казань)
E-mail: starovoytova@ieml.ru

В статье рассматривается отношение к здоровью рабочей молодежи; дается литературный анализ структуры отношения к здоровью; выявлены и охарактеризованы различия отношения к здоровью мужчин и женщин.

Ключевые слова: отношение к здоровью, интерналы, рабочая молодежь, анализ занятости.

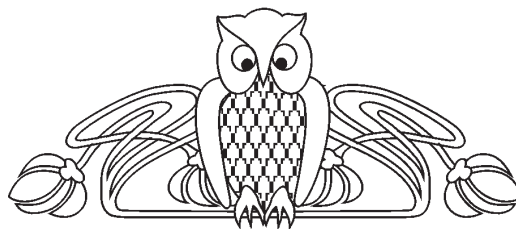
Attitude to Ward Health a Mang Young Workers

S. Yu. Starovoytova

The paper considers the relationship to the health of young workers. We give a literary analysis of the structure of health behavior. Identified and characterized differences in health behavior of men and women.

Key words: attitude to health, internals, young workers, analysis of employment.

Изучение отношения к здоровью рабочей молодежи является одной из главных задач профилактики и коррекции профессиональных заболеваний и болезней у современных рабочих. Здоровый образ жизни современных молодых рабочих (интерналов) имеет не только оздоровительное направление, но и большое экономическое значение. В настоящее время большинство интерналов понимает значение здорового образа жизни, однако не придерживается его. Это про-

исходит по ряду объективных и субъективных причин, поэтому исследование отношения интерналов к своему профессиональному здоровью является сегодня особенно актуальным.

Понятие «отношение к здоровью» еще сравнительно ново для психологической науки, наряду с ним используются такие концепты, как «субъективное благополучие», «психологическое благополучие», «качество жизни», «удовлетворенность», а также термин «внутренняя картина здоровья» (В. Е. Каган, В. М. Смирнов, Г. Н. Резникова, В. А. Ананьев). Это отражает, с одной стороны, растущий интерес к данной проблематике, а с другой – многообразие принципов и путей исследования, а также неустойчивость концептуального аппарата, который используется в рассматриваемой области. Все это, на наш взгляд, вполне естественно для нового интенсивно развивающегося исследовательского направления. Отметим также, что проблема научного изучения здоровья осложняется междисциплинарным характером данного вопроса, который разрабатывается не только в психологии, но и в социологии, философии, психиатрии, педагогике и т. д.

Сравнение определений понятий «отношение к здоровью» и «внутренняя картина здоровья» (ВКЗ) позволяет рассматривать их как